

Дарья Литвина

Loraine Gelsthorpe, Perveez Mody, and Brian Sloan, eds. Spaces of Care. Oxford: Hart, 2020. 288 pp. ISBN 978-1-5099-2963-4.

Дарья Литвина, факультет социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ЕУСПб, факультет социологии, Гагаринская ул., 6/1, А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. dlitvina@eu.spb.ru.

Сборник эссе представляет собой своеобразный «мэппинг» заботы: как она понимается в разных дисциплинах, пространствах, контекстах. Идея проекта родилась у составителей в 2008 году во время чтения междисциплинарного курса на факультете социальной антропологии и социологии в университете Кембриджа. Для четверых преподавателей из разных академических дисциплин (антропология, криминология, юриспруденция и социология) это стало началом разговора о кросс-дисциплинарных пересечениях и различиях в понимании заботы (с. 2). А коллоквиум, состоявшийся в Кембридже в 2018 году, стал точкой сборки рецензируемой книги.

Составители сборника не предлагают читателю готовой концепции заботы и не пытаются выстроить рамку, которая могла бы вобрать в себя разные ее измерения – скорее, напротив, они сознательно отказываются от подобных попыток. Задача, которую они перед собой ставят, состоит в том, чтобы показать неоднозначность и изменчивость представлений о заботе и способах ее осуществления. Для этого они пытаются выйти за пределы того круга тем, который привычно ассоциируется с заботой (здравоохранение, семья, забота о старшем поколении и уязвимых группах), посмотреть на эту категорию с позиции разных дисциплин, а также концептуально расширить понятие «пространство» (space). Эту масштабную задачу редакторы-составители пытаются решить за счет калейдоскопа текстов, проблематика которых находится на стыке обсуждаемых тем – заботы и пространства. Они отмечают, что в сборнике представлены такие темы, как динамика заботы (через время, места и поколения); ее субъективность и интерсубъективность; экономика заботы; право на заботу; относительность заботы; технологии и воображаемые пространства заботы; недостатки и «темные стороны» заботы, а также многие другие (с. 5–6).

Сборник «рассыпается» на множество отдельных текстов, каждый из которых может восприниматься самостоятельно и будет интересен узким специалистам и исследователям – юристам, криминалистам, регионоведам, антропологам, социологам, социальным работникам, гендерным исследователям.

Книга включает в себя введение и двенадцать эссе (четыре из которых написаны при участии редакторов), не объединенных в тематические блоки. Не вполне ясным остается, на что нам должны указывать отказ от деления на разделы и намеренно упущенная во введении концептуализация ключевых понятий («забота» и «пространство»). Несмотря на обещание «выйти за пределы» привычных тем, география исследований явно тяготеет к Англии, а в текстах рассматриваются

преимущественно классические (для исследований неравенства, власти, гендера) пространства и группы – тюрьмы, детские дома, семьи. Вероятно, эту книгу стоит рассматривать как приглашение к междисциплинарной дискуссии, а не как попытку концептуального переворота или ярмарку социокультурных различий. Тем не менее благодаря наложению рамки заботы на привычные эмпирические поля происходит определенный эффект – возникают новые смыслы и измерения.

Давайте бегло пройдемся по содержанию сборника. Первые эссе представляют собой трилогию – они раскрывают особенности заботы в контексте пенитенциарной системы Англии и Уэльса. В первой статье «Punishment and Care Reappraised» («Переосмысление наказания и заботы») Роб Кэнтон (Rob Canton) и Джейн Домини (Jane Dominey) предлагают посмотреть на систему наказаний через этику заботы. В фокусе – вопросы, связанные с «темными сторонами» заботы (эта категория возникает в текстах довольно часто). Как мы определяем, кто достоин заботы? Может ли принуждение претендовать на то, чтобы называться заботой? Как соотносятся риторика заботы и опыт тех, кто испытывает эту заботу на себе? В контексте разговора про преступления и тюрьмы эти вопросы не выглядят тривиальными. Иногда в системе правосудия забота не является эксплицитной целью или принимает нелицеприятные формы. Тем не менее (и авторы здесь предельно четко артикулируют свою позицию) забота не только совместима с наказанием, но и необходима для достижения большинства целей исправительной системы (с. 31). И хотя в целом текст оказывается довольно любопытным и концептуально насыщенным, настораживает некоторая назидательность авторов и отсутствие голосов самих «жертв», «обидчиков», законодателей, исполнителей наказания.

Однако конкретные примеры не заставляют себя ждать. Эссе Джейн Домини и Лорейн Гелсторп (Lorraine Gelsthorpe) посвящено трансформации системы и практик испытательного срока (probation practice) под влиянием создания частной индустрии пробации, оно будет интересно скорее узкому кругу специалистов, заинтересованных в детальном рассмотрении устройства данной системы.

Наконец, завершает трилогию текст, посвященный женщинам в системе уголовного правосудия Англии и Уэльса (его авторы – Гелсторп, Кэнтон). Авторы критически рассматривают возможности инфраструктуры, которая создана для того, чтобы осуществлять «заботу», уделяют много внимания деталям и разделяют критический настрой двух предыдущих глав. Текст показывает негомогенность опыта, который получают разные группы внутри пенитенциарной системы. Женская преступность, по сравнению с мужской, представлялась (представляется?) чем-то необычным и требующим особого подхода. Рост женской преступности (или, вернее сказать, увеличение регистрации женской преступности?) повлек за собой создание инициатив, которые уделяли внимание в том числе материальным потребностям женщин, их ментальному здоровью, уязвимости перед исправительной системой (self-harm, случаи суицида), необходимости «холистического подхода». Однако авторы на конкретных примерах показывают, что проявления такой заботы могут иметь негативные последствия. Основная задача авторов (как, впрочем, и задача авторов предыдущих текстов трилогии) – показать «необходимость ста-

вить поисковые (searching) вопросы всякий раз, когда мы становимся свидетелями усилий по формированию политик в области уголовного правосудия, которые, казалось бы, выражают “заботу”» (с. 71).

В следующих главах чередуются тексты из разных дисциплин, однако какой-то системы в их расположении не наблюдается (и порядок чтения, вероятно, не будет иметь значения). Для русскоязычного читателя особый интерес может представлять текст Елены Хлиновской-Рокхил (Elena Khlinovskaya Rockhill), посвященный заботе в учреждениях для социальных сирот в России. Автор пытается разобраться в том, что скрывается за понятием «неблагополучная семья». Она приходит к выводу, что это не та семья, которая осуществляет заботу неправильно или недостаточно, но «аморальная семья». То есть такая, которая априори с точки зрения государства не может позаботиться о ребенке правильно. После изъятия из «неблагополучной семьи» (автор называет это «символической смертью родителей») дети вступают в родственные отношения с государством, которое теперь будет их «непростым родителем». Между ребенком и государством возникает родство, основанное на заботе. При этом такую «заботу» автор рассматривает довольно критично (забота ли это?). Забота является базовой категорией родства между государством и ребенком, но одновременно она применяется только к тем, кто существует в «моральной Вселенной». Остальные оказываются заброшенными. Автор заканчивает эссе вопросами: может ли забота быть безразличной и все еще считаться заботой? может ли забота угрожать чьему-то благополучию?

От этих вопросов мы сразу переходим к совсем иной теме – она является центральной в эссе Хелен Карр (Helen Carr) и ее коллег. Эта работа рассказывает о том, как уличные бездомные в Бразилии становятся субъектами заботы, создателями и хранителями «места заботы» – мангового дерева, которое они защищали от вырубки, построив там дом и открыв библиотеку. Текст задуман как провокация на тему безопасности, свободы и городского пространства. Город создает и дисциплинирует маргинальные группы через определенные институциональные практики, законы, архитектуру. Однако город заботы отличается от неолиберального города зависимости и подчинения.

Из размышлений о городе нас вырывает текст соредатора сборника Брайана Слоана (Brian Sloan), который снова переключает читателя в юридическую сферу. Он фокусируется на отношениях между формальной (ассоциирующейся с публичной сферой) и неформальной (ассоциирующейся с частной сферой) заботой в Англии и Австралии с точки зрения легальных правил и финансирования. Следующее за ним эссе Сюзанна Бурри (Susanne Burri) «Care and the Workplace: The Dutch Approach to Part-Time Work, Flexible Working Arrangements and Leave» («Забота и рабочее место: голландский подход к неполному рабочему дню, гибким условиям работы и отпуску») является более дескриптивным, автор детально рассматривает права тех, кто одновременно работает и осуществляет заботу, а также описывает осуществление этих прав на практике (с фокусом на gender gap).

В эссе Джонатана Херринга (Jonathan Herring) читатель встречает рассуждение о том, могут ли этика заботы и забота о людях с ограниченными возмож-

ностями противоречить друг другу. В тексте есть ряд критических замечаний по поводу «этики заботы». По мнению автора, она фокусируется на субъектах заботы, тогда как деление на тех, кто осуществляет заботу, и тех, кто ее получает, искусственно. Потому что забота – это часть отношений, в которые мы включены в течение всей жизни («сети заботы»). Одновременно с этим складывается ощущение, что данный тезис должен скорее спровоцировать дискуссию, чем стать основой для конструктивной критики. Например, в оплачиваемых формальных отношениях есть четкие роли потребителя и отправителя заботы. А тезис про смещение акцента кажется несколько натянутым, учитывая обилие литературы, посвященной феминистской эпистемологии и критическим исследованиям здоровья, медицины, телесности.

В сборнике есть несколько текстов, раскрывающих заботу в контексте *disabilities* – и все они довольно критические, хотя критика эта разная. Например, Том Боэлсторф (Tom Boellstorff) рассказывает о том, как они с коллегой построили в виртуальном пространстве остров и предложили людям с *disabilities* населить его. Исследователи провели множество интервью и сняли фильм с участием своих собеседников, чтобы понять, что мы можем сказать о влиянии цифровых пространств на воплощенность (*embodiment*). Авторы исследования выступают с резкой критикой эйблизма (*ableism*) и пытаются расширить концептуальные границы «пространства» – в том числе через работу с категориями «среда», «виртуальный мир», «виртуальная реальность», «виртуальный человек». Во время чтения этого текста стоит уделить внимание не только содержанию, но и дизайну исследования – не каждый день можно встретить людей, которые получили грант на создание собственного виртуального острова.

Тему родства и заботы раскрывает Первиз Моды (Perveez Mody) в эссе о принудительном браке в южноазиатских семьях из Великобритании, который считается формой заботы со стороны родителей. Близкой темы касается текст Корин Рис (Koreen M. Reese), рассказывающий о том, как меняется понятие дома в Ботсване во времена эпидемии СПИДа и как связаны пространства и отношения. Эти антропологические работы касаются привычной темы заботы в семье, но раскрывают ее неоднозначность, а также подчеркивают значимость наслаивающихся друг на друга культурных контекстов для интерпретации такой заботы.

Проблемную тему затрагивает и Джон Борнман (John Borneman), который пишет о беженцах из Сирии в Германии. Автор начал заниматься темой около двадцати лет назад, и его рассказ касается исследования, проведенного до событий 2011 года. Борнман активно взаимодействовал с беженцами и помогал им решить вопросы с обустройством (обучением, визами), но, по собственным словам, он ничего не написал об этом исследовании. Его приглашали в качестве эксперта, но он не хотел быть экспертом так же, как его собеседники не хотели быть беженцами – из-за ощущения, что многие репортеры и исследователи делают карьеры на страданиях других. Его эссе довольно критично и порой в качестве аргумента автор привлекает собственные моральные суждения и представления о добродетели, что делает этот текст больше похожим на манифест, чем на академическую статью.

Авторы первого эссе (Кантон и Домини) подчеркивают, что, по-видимому, каждый человек способен распознать заботу, когда видит ее, но вот внести вклад в теорию заботы оказывается гораздо сложнее. Возможно, этот тезис можно экстраполировать на сборник в целом. Важно отметить, что «Spaces of Care» – это не сборник статей, а сборник эссе, где авторы порой позволяют себе жесткую критику, персональные оценки или пропуск описания процедур исследования. В целом во время чтения возникают интересные ощущения от переключения между текстами – из пространства тюрьмы мы попадаем в социальные учреждения для детей в России, а после анализа юридических норм читаем антропологическое описание повседневности жителей Ботсваны. Такая эклектичность вполне характерна для сборников, однако в случае с текстами авторов из разных дисциплин, при отсутствии единой рамки и языка, чтение оказывается довольно сложным и требует вовлеченности. Поскольку авторы смотрят на предмет обсуждения с разных методологических, этических и дисциплинарных позиций, чтение всего сборника оказывается не слишком простой задачей. В результате такого прочтения возникает ощущение скорее междисциплинарной полифонии, чем междисциплинарного диалога. В целом рецензируемая книга может быть интересна тем, кто уже работал с категорией «забота» и заинтересован в том, чтобы посмотреть, в каких контекстах и дисциплинах она может возникать, а также исследователям, работающим в тех же полях, что и авторы сборника (им может быть любопытно посмотреть, как в их поле работает еще одна концептуальная «рамка»).